Окончание. Начало см.: №4(61) 2012 г.

УДК: 339.9

Рензин Олег Маркович – канд. экон. наук, зам. директора Института экономических исследований ДВО РАН, профессор кафедры финансов и кредита Дальневосточного института управления – филиала ФГБОУ ВПО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ» (г. Хабаровск). *E-mail: renzin@ecrin.ru*

Суслов Денис Владимирович – канд. экон. наук, ведущий научный сотрудник Института экономических исследований ДВО РАН, доцент кафедры финансов и кредита Дальневосточного института управления – филиала ФГБОУ ВПО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ» (г. Хабаровск).
E-mail: suslov@ecrin.ru

Oleg Markovich Renzin – Candidate of Economy, deputy director of the Institute of economic researches of DVO Russian Academies of Sciences, professor of the finance and the credit chair of the Far-Eastern institute of management – FGBOU VPO'S branch "The Russian Academy of National Economy and Public Service by the President of the Russian Federation" (Khabarovsk). *E-mail: renzin@ecrin.ru*

Denis Vladimirovich Suslov – Candidate of Economy, leading researcher of the Institute of economic researches of DVO Russian Academies of Sciences, professor of the finance and the credit chair of the Far-Eastern institute of management – FGBOU VPO branch "The Russian Academy of National Economy and Public Service by the President of the Russian Federation" (Khabarovsk).
E-mail: suslov@ecrin.ru

О.М. Рензин
Д.В. Суслов

O.M. Renzin
D.V. Suslov

Перспективы интеграции Тихоокеанской России в АТР: сценарии*

В статье рассматриваются важнейшие интеграционные процессы, происходящие в Азиатско-Тихоокеанском регионе (далее – АТР) с участием России. Дается оценка вариантам инкорпорирования Российского Дальнего Востока в сложившуюся в этом регионе мира систему экономических отношений. Определяются перспективные эффекты взаимодействия национальной экономики с основными партнерами по Азиатско-Тихоокеанскому экономическому сотрудничеству (далее – АТЭС).

Prospects of integration of the Pacific Russia in APR: scenarios*

The main integration processes in Asia-Pacific Region concerning the participation of Russia are considered in the article. The evaluating of incorporating of the Russian Far East into the existing system of economic relations in this region of the world is assessed. The perspective effects of interactions for the national economy with the main partners in APEC are determined.

Ключевые слова: *Тихоокеанская Россия; экономическая, технологическая и социальная динамика; АТР; Восточная Азия; интеграция.*

Keywords: *Pacific Russia; economic, technological and social dynamics; Asia-Pacific; East Asia; Integration.*

Полномасштабное включение России в процессы экономической интеграции в Восточной Азии, где Китай, Япония и Республика Корея занимают ведущие экономические позиции, несомненно, относится к числу приоритетных интересов России. Более того, благоприятные прогнозы экономического развития Восточной Азии на среднесрочную и долгосрочную перспективы превращают подключение России к интеграционным процессам в самую эффективную возможность интегрироваться в мировую торговлю и, в целом, в мировую экономику [2]. Ключом к интеграции с восточно-азиатскими экономиками является для России стабилизация взаимодействий со странами Северо-Восточной Азии. Причем, эти взаимодействия должны распространяться не только на торговую сферу, но и на совместное использование факторов производства и технологий.

Первоначально взаимодействие России и Северо-Восточной Азии может развиваться по схеме: российские энергетические, земельные ресурсы и транзитная территория в обмен на инвестиции и передовые технологии из Японии и Республики Корея, китайские товары потребительского спроса и рабочую силу из Китая. Предполагается, что сотрудничество Китая, Республики Корея и Японии также будет иметь взаимодополняющий характер. Это обусловлено тем, что на будущее интеграционных процессов (в рамках СВА-3) важное влияние оказывают внутренние факторы развития каждой из трех стран. Реализация идей свободного перемещения товаров, инвестиций и рабочей силы станет успешной только тогда, когда в самих странах СВА сложатся благоприятные внутренние условия. Например, степень свободы передвижения рабочей силы между странами СВА будет зависеть от того, в какой мере Япония, а вслед за ней и Республика Корея действительно осознают потребность в иностранной рабочей силе и создадут адекватные условия для адаптации миграционных потоков.

Совместное использование странами-членами потенциальной интеграционной группировки факторов производства потребует образования в перспективе согласованного, а в идеале единого правового поля, обеспечивающего свободное передвижение товаров, финансовых потоков, рабочей силы и научных разработок.

Для России наиболее предпочтительным в перспективе является вариант поэтапной интеграции с восточно-азиатскими экономиками, то есть на первом этапе – заключение с отдельными странами соглашений о зоне свободной торговли (по типу АСЕАН+1) с дальнейшим встраиванием в качестве полноценного члена интеграционной группировки в восточно-азиатскую зону свободной торговли (рис. 1).

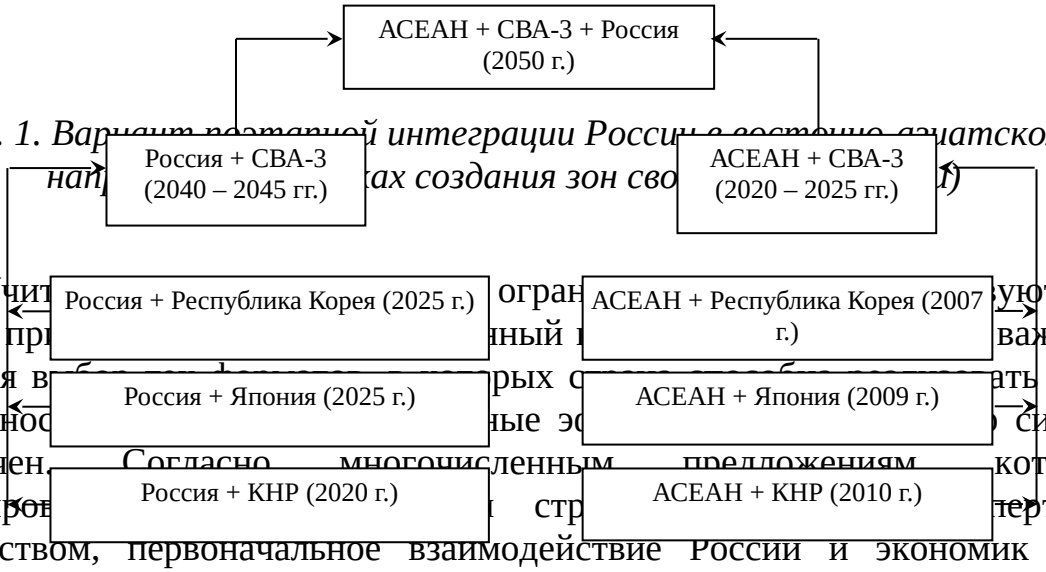

Рис. 1. Вариант поэтапной интеграции России в восточно-азиатском нап[illegible]ках создания зон сво[illegible]

Учит[illegible] огран[illegible]ют для России пр[illegible]ный [illegible] важным является в[illegible]рых [illegible] свои возможнос[illegible]ные э[illegible] сильно ограничен. Согласно многочисленным предложениям, которые сформиров[illegible] стр[illegible]тертным сообществом, первоначальное взаимодействие России и экономик АТР может эффективно развиваться по схеме: российские природные ресурсы плюс транзитная территория, обеспечивающая движение товаров между странами Азии и Европы, в обмен на капиталы, инвестиции, передовые технологии. Такой подход к организации многостороннего сотрудничества, сформировавшийся еще в начале постсоветского периода развития, оказался не очень продуктивным. Режим эффективного обмена факторами производства требует согласованной институциональной организации совместной деятельности, которая достижима либо в рамках работоспособного механизма международной координации, либо при обеспечении свободного передвижения между странами товаров, услуг,

финансов, информации и рабочей силы. Пока ни первого, ни второго в АТР не существует, и это означает, что для России на первом интеграционном этапе (как минимум, до реализации проекта единой зоны свободной торговли в АТР (т. е. ориентировочно до 2020 – 2025 гг.)) необходимо формирование специфической переходной модели интеграции.

Совершенно иначе следует рассматривать форматы, которые могут использоваться в АТР в период 2025 – 2050 гг. Здесь либо сможет реализоваться проект, соответствующий идеологии «Богорской декларации», и тогда появятся возможности для модели интеграции, построенной на максимальной либерализации экономической деятельности. Либо эти принципы не получат развития, и интеграция в АТР пойдет по сложившемуся пути межправительственной координации с использованием совместного финансового инструментария. Второй вариант в значительной степени соответствует современной направленности интеграционных планов Китая – несомненного лидера в экономике АТР. Эта страна активно продвигает проект введения в качестве региональной валюты юаня и одновременного создания наднациональных институтов.

Интеграция в Восточной Азии может происходить по нескольким сценариям.

Первый – это *сценарий активного интеграционного взаимодействия*, предполагающий выполнение долгосрочных интеграционных планов. Он связан с принципиальными изменениями в экономических и финансовых отношениях в сообществе. К ним относятся:

• организация зоны свободной торговли в АТР;

• формирование в АТР монетарных институтов (эмиссионного банка, валютного фонда);

• введение единой азиатской валюты.

В случае реализации этого сценария на сопредельных территориях для России становится необходимым осуществление комплекса мероприятий, позволяющих, если не укрепить, то хотя бы не ухудшить свои позиции в Восточной Азии. К ним относятся, прежде всего:

• структурная перестройка экономики Тихоокеанской России для адаптации к высококонкурентным условиям деятельности, подготовка бизнес-структур к участию в международных производственных и технологических цепочках;

• закрепление конкурентоспособных позиций на восточно-азиатских рынках;

• активное включение в деятельность коллективных финансовых институтов АТР.

Другим сценарием является *«интеграционная стагнация»*. В этом случае сохраняются основные правила и механизмы сотрудничества, не происходит принципиальных изменений в институциональной и финансовой организации АТР. Ключевые позиции, на которых будет выстраиваться межстрановое взаимодействие, будут выглядеть следующим образом:

• продолжение и активизация практики заключения двухсторонних соглашений о свободной торговле;

• совершенствование многосторонних координационных механизмов регулирования;

• расширение использования национальных валют в расчетах.

Для России такой сценарий более благоприятен, поскольку ей для участия в интеграционных процессах не надо будет широкомасштабно переходить в режим «догоняющего» развития. Инструментарий для инкорпорирования в экономику Восточной Азии в этом случае либо уже освоен, либо находится в принципиальной доступности. Кроме того, в условиях реализации двухсторонних соглашений в значительной мере может быть использован такой фактор обеспечения конкурентоспособности российских товаров, как регулирование затрат на рабочую силу. С наиболее развитыми странами Восточной Азии различия в оплате труда складываются в пользу России (Япония, Республика Корея). Там, где Россия традиционно уступает (Китай, Вьетнам, Малайзия), их преимущества устойчиво сокращаются за счет увеличения уровня зарплат в национальных экономиках. С учетом складывающихся трендов в перспективе возникают предпосылки для проникновения российских производителей на некоторые новые рынки продукции обрабатывающих отраслей.

Круг мероприятий, необходимых для поддержания позиций России в интеграционном процессе при таком сценарии, включает:

• закрепление позиций страны на сырьевых рынках АТР за счет заключения долгосрочных контрактов;

• выход на рынки продукции обрабатывающих отраслей;

• инициирование инфраструктурных проектов, содействующих решению коллективных задач для АТР (транспортных, энергетических);

• расширение участия в межправительственных, межрегиональных и предпринимательских структурах;

• заключение двухсторонних соглашений с экономиками АТР, включая финансовую составляющую сотрудничества об использовании национальных валют.

В перспективе возможно и изменение тренда взаимодействия на противоположный, т. е. переход к дезинтеграционным процессам. Об этом свидетельствует опыт существующих в мире крупных интеграционных блоков. Такие переломы тенденций происходят, как правило, в результате масштабных изменений в организации экономической или политической систем. Это может быть отказ отдельных участников от существующих соглашений в АТР в пользу других (альтернативных) территориально-экономических альянсов. В частности, нарастающий уровень политической неопределенности дает основание характеризовать Восточную Азию как «политический вулкан [1]. В результате возрастающих противоречий вероятны: разрыв взаимосвязей; переформатирование контактов в новых конфигурациях; возникновение новой многополярности в Восточной Азии.

Как правило, такие трансформации связываются, прежде всего, с ожиданиями кардинального пересмотра интеграционной политики Китая. Если в настоящее время он активно принимает участие в координационных институтах и процедурах в АТР, то к середине XXI в. позиция может измениться, в частности в связи с превращением Китая в мировую супердержаву. Согласно прогнозам, уже к 2025 г. китайский ВВП сравняется по объему с американским, а к 2050 г. превысит ВВП США почти на 30% [10]. Это позволит Китаю оказывать значительно большее влияние на межгосударственные отношения в Восточной Азии, чем в настоящее время. Для него станет реальным выступить в качестве особого интеграционного центра, определяющего (а может быть, и диктующего) для других стран варианты сотрудничества. Очевидно, что прогнозируемая в таком варианте «китаецентричность» будет определять и новый интеграционный порядок в АТР.

Вероятность того, что в долгосрочной перспективе Китай неизбежно столкнется с серьезным кризисом, а его экономика перестанет быть драйвером мирового роста, также негативно может сказаться на перспективах сохранения интеграционных форматов. В этом случае накопленные в хозяйственной системе Китая дисбалансы потребуют структурной перестройки, которая негативно скажется на интеграционной активности как самого Китая, так и его окружения в АТР. В результате, имеющиеся проекты при потере финансовой и организационной поддержки деградируют, и на этой основе могут возникнуть новые интеграционные объединения.

Еще одним фактором, резко изменяющим взаимосвязи в Восточной Азии, может стать разрушение имеющихся структур международной координации в АТР, как не выполняющих свои функции. Сложившиеся схемы взаимоотношений, исключающие принятие императивных решений, не могут эффективно обеспечивать защиту позиций участников. В особой мере уязвимыми в этом отношении являются финансовые институты, существование которых связано со многими (порой плохо управляемыми) факторами. Это определяет недостаточную интеграционную связанность и, соответственно, вероятность распада таких коллективных институтов. При этом, можно ожидать, что при возникновении новых интеграционных конфигураций места для России не будет предоставлено[1].

Впрочем, для России, учитывая не очень высокий уровень ее инкорпорированности в АТР, потери будут минимальными, но и в этом варианте необходимым является проведение комплекса мероприятий, которые позволят компенсировать интеграционные потери и дадут новый импульс развитию отношений с сопредельными странами в этом регионе мира. По минимальному кругу они должны включать: заключение новых

[1] Аргумент о недостаточном экономическом весе России в АТР неоднократно использовался для отказа стране в приеме в отдельные интеграционные институты, например в Азиатский банк развития.

договоров, в которые будут включаться не только страны-партнеры, но и участники других тихоокеанских интеграционных блоков; активизацию участия в глобальных координационных структурах; корректировку участия в системе международных расчетов, включая валютные приоритеты.

Нельзя исключить также, что в период до 2050 г. Россия осуществит возврат к преимущественной ориентации на участие в европейских или североамериканских проектах. Есть специалисты, которые уже сейчас рассматривают азиатские рынки как периферию, имеющую высокие риски развития, и представляющие в перспективе угрозу для национальной безопасности и целостности России [7]. Отметим, что рекомендации по признанию приоритетности европейской интеграции (по сравнению с азиатской) были сформулированы авторами новой версии Программы развития России до 2020 г. [6]. Ее авторы указывают на угрозы, исходящие для страны из АТР, прежде всего, из Китая, которые связаны с ущемлением российских национальных интересов.

В долгосрочном периоде различия в уровнях экономического развития стран АТР и России (с большой вероятностью) еще больше возрастут, поэтому, скорее всего, в качестве защитных механизмов необходимо будет использовать делиберализацию экономических отношений с сопредельными странами, а также введение ограничений для организации иностранной хозяйственной деятельности на восточных территориях России.

Наиболее тесные взаимодействия в режиме экономической интеграции с восточно-азиатскими экономиками Россия в состоянии осуществить в перспективе только опираясь на свои восточные территории, в первую очередь, на Дальний Восток РФ, тем более что исторически этот макрорегион всегда являлся и является наиболее вовлеченным в торговое и инвестиционное сотрудничество со странами Северо-Восточной Азии, а в последние два десятилетия – в сотрудничество на рынке труда. Потенциальные эффекты от интеграции РФ должны в большей степени проявляться на территории Тихоокеанской России, поскольку ее экономика в большей степени, чем экономика страны в целом, будет интегрирована в экономики Восточной Азии.

Существенное влияние оказала активизация торговой деятельности России в АТР на развитие Российского Дальнего Востока, укрепив экономические позиции как на национальных рынках, так и на международных, развивая торгово-экономическое сотрудничество в АТР. Доля Тихоокеанской России в торговле со странами АТЭС составляет более 90% внешнеторгового оборота (табл. 1).

Таблица 1

Доля интеграционных группировок во внешней торговле Тихоокеанской России, 2010 г., %

Показатель	Всего	ЕС-27	АТЭС	СВА	АСЕАН	СНГ
Экспорт	100,0	0,1	95,9	91,7	3,1	0,4
Импорт	100,0	8,4	85,3	73,3	1,9	0,2
Оборот	100,0	2,8	92,5	85,7	2,7	0,3

Источник: *рассчитано на основе данных ФТС РФ.*

В 2010 г. на долю Дальнего Востока России приходились 22,7% российского экспорта и 8,3% импорта в страны АТЭС. Еще более заметную роль Тихоокеанская Россия играет во внешнеторговом сотрудничестве страны с ведущими экономиками Северо-Восточной Азии, прежде всего, с Японией, Республикой Корея и Китаем. Удельный вес этой составляющей в национальном экспорте в Республику Корея составил 51,3%, в Японию – 48,1%, в Китай – 14,9%; в импорте, соответственно, 12,2%, 7,4% и 10,0%. Эти позиции связаны, прежде всего, с наличием в Тихоокеанской России природно-ресурсного потенциала, включающего богатые энергетические, рыбные и лесные ресурсы (одновременно с существованием высокого спроса на эти продукты в странах АТР). В настоящее время на рынки стран СВА направляются свыше 80% производимой на Дальнем Востоке РФ деловой древесины, 75% – нефти, 40% – рыбы и морепродуктов, 4% – угля, 2,5% – нефтепродуктов. При этом, большая часть экспортных потоков лесопродукции с территории Тихоокеанской России замыкается на китайский рынок (85,3%), экспорт нефти ориентирован, в основном, на рынки Республики Корея (44,7%) и Японии (39,8%), СПГ – Японии (71,8%), рыбопродукции – Республики Корея (44,3%) и Китая (41,3%), нефтепродуктов – Японии (57,8%) и Китая (25,7%).

Основными стратегическими задачами внешнеэкономической политики России, ориентированной на интеграцию дальневосточных территорий с экономиками Северо-Восточной Азии, в перспективе должны являться:

• создание комфортных условий для привлечения на Дальний Восток РФ иностранного капитала. Наибольший приоритет должен отдаваться прямым иностранным инвестициям, поскольку они способствуют: привлечению новых технологий и методов управления; созданию новых рабочих мест; росту объемов производства и экспорта; интеграции в международное экономическое пространство. Для привлечения иностранного капитала в экономику Дальнего Востока РФ необходимо формирование инвестиционного климата, не менее привлекательного, чем в сопредельных странах АТР. Политика радикального улучшения инвестиционного климата станет необходимым условием успешного развития экономики. Для совершенствования инвестиционного климата необходимым будет использование целевых инвестиционных стимулов для привлечения

отечественных и иностранных инвестиций в обрабатывающие отрасли промышленности и «интеллектуальные» отрасли сферы услуг;

• в части формирования качественно новой основы развития экономических взаимодействий Дальнего Востока РФ со странами АТР – использование преференций присоединения России к глобальным торговым институтам (ВТО);

• в части привлечения иностранной рабочей силы – эффективное использование трудового потенциала сопредельных стран с целью формирования оптимальной структуры рынка труда;

• в части торговой политики – всемерное содействие росту объемов экспорта, инициирование прогрессивных сдвигов в структуре промышленного производства Дальнего Востока РФ, что предполагает формирование механизмов по аккумулированию доходов от внешнеэкономической деятельности для развития экспортного потенциала; создание финансовых структур с участием международного капитала для обслуживания внешнеэкономических связей и кредитования перспективных проектов международного сотрудничества; рационализация структуры импорта за счет увеличения в ней доли инвестиционных товаров, а также новых технологий, необходимых для модернизации существующих и создания новых (в том числе экспортных) производств.

Эти задачи могли бы эффективно решаться в случае, например, подключения России к интеграционным начинаниям в рамках концепции «специальной таможенной территории», предоставляющей территориям Тихоокеанской России большую стратегическую, тарифную и монетарную автономии. При этом, наибольшим стимулирующим потенциалом для интеграции Тихоокеанской России в АТР в перспективе могут обладать проекты, ориентированные на новую индустриализацию, формирование новых экономических ниш и новых сегментов товарных рынков как в добывающей, так и обрабатывающей промышленностях. Конечно, это предполагает предварительный существенный прогресс в сферах обмена технологиями и «производства знаний». В настоящее время это наименее продвинутый сегмент общего интеграционного процесса.

Успех на этом направлении будет определяться, при прочих равных условиях, тремя обстоятельствами:

– Во-первых, условиями для создания нового интеграционного формата – общего рынка технологий и информации. В частности, для формирования объединенного банка патентов и лицензий, которые могут использоваться всеми заинтересованными сторонами подобного пула по примеру заимствований финансовых ресурсов в АБР.

– Во-вторых, возможностью встроить в интеграционные цепочки не только и не столько бизнес-структуры или отдельные производственные единицы, сколько имплантировать в предметное и подетальное разделение труда в Восточной Азии продуктов и производственных процессов, локализованных в пределах Тихоокеанской России.

– В-третьих, эффективным использованием естественных преимуществ, которыми обладает Тихоокеанская Россия в области природно-ресурсного

потенциала. Значительная часть природных ресурсов Тихоокеанской России имеет для ряда стран Восточной Азии чрезвычайно высокую оценку предельной полезности (земля, водные и лесные ресурсы, углеводороды, минеральное сырье, пространство, экологическая емкость). Поэтому эти ресурсы следует использовать не только и не столько для увеличения размеров торговых доходов, сколько для организации взаимодействия со странами Северо-Восточной Азии, в первую очередь, по типу «ресурс вместо рынка и технологии».

Изложенные выше возможности, структурные и технологические инструменты для интеграции Тихоокеанской России с экономиками стран Северо-Восточной Азии не могут быть, конечно, реализованы автоматически или даже в результате длительной эволюции существующих институтов. Необходимо создать институциональную среду, которая бы позволила реализовать возможности для реальной интеграции с субглобальными рынками. Эта потенциальная среда предполагает формирование фактически новой модели функционирования экономики Тихоокеанской России в условиях неизбежного встраивания в глобальные процессы.

Литература и источники:

1. Бжезинский, З. Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы. – М. : Международные отношения, 2010.

2. Восточная Азия: между регионализмом и глобализмом / отв. ред. Г. И. Чуфрин // Институт мировой экономики и международных отношений. – М. : Наука, 2004.

3. Медведев, Д. Послание Президента Федеральному Собранию. 30.11.2010 г. [Электронный ресурс] –.– Режим доступа: http://news.kremlin.ru/news/9637

4. Рензин, О. М., Кучук, В. В. Новые явления в институциализации АТР : проект общеазиатской валюты // Пространственная экономика. – 2007. – № 2. – С. 36 – 45.

5. Синтез научно-технических и экономических прогнозов: Тихоокеанская Россия – 2050 / под ред. П. А. Минакира, В. И. Сергиенко. – Владивосток : Дальнаука, 2011.

6. Стратегия – 2020 назвала главные угрозы для России // Финансовый диалог. 15.03.2012 г. [Электронный ресурс] –.– Режим доступа: http://money.ru.msn.com/news/228031

7. Фомин, М. Россия. Матрица социальной (не)стабильности // МЭиМО. – 2010. – № 8. – С. 56 – 68.

8. Энергетическая стратегия России до 2030 г. [Электронный ресурс] –.– Режим доступа: http://www.gazo.ru/ima-ges/upload/ru/1557

9. Bobo, Lo. Axis of Convenience: Moscow, Beijing and the New Geopolitics // Brookings Institution Press. – 2008.

10. Hawksworth, J., Cookson, G. The World in 2050. Beyond the BRICs: a Broader Look at Emerging Market Growth Prospects. Prisewaterhouse Coopers. – 2008. – March.

11. Institutions for regional integration: toward an Asian economic community. Mandaluyong City, Philippines: Asian Development Bank. – 2010.